

1 [Рец. на: / Review of:] **W. U. Dressler, F. N. Ketrez, M. Kilani-Schoch (eds.). *Nominal*** 1
2 ***compound acquisition***. Amsterdam: John Benjamins, 2017. 318 p. ISBN: 9789027264978*. 2

3
4 **Мария Дмитриевна Воейкова**

3
4 **Maria M. Voeikova**

5 Институт лингвистических исследований РАН,
6 Санкт-Петербург, Россия;
7 maria.voeikova@gmail.com

5 Institute for Linguistic Studies, Russian Academy
6 of Sciences, St. Petersburg, Russia;
7 maria.voeikova@gmail.com

8 DOI: 10.31857/...
9

10 Вышедшая из печати в декабре 2017 г. коллективная монография «Nominal compound 10
11 acquisition» посвящена усвоению детьми именных композитов в разноструктурных (пре- 11
12 имущественно морфологически богатых) языках. Материалом для исследования послужили 12
13 существительные, образованные путем сложения основ, целых слов или только кор- 13
14 ней слов в речи детей и их родителей. Описание большинства языков строится на мате- 14
15 риале длительных наблюдений за речью отдельных детей, охватывающих как минимум 15
16 год последовательной фиксации речевой продукции ребенка и взрослого участника диа- 16
17 лога через равные промежутки времени (не реже раза в месяц). Несмотря на узкую по- 17
18 становку задачи, эта книга затрагивает ряд важных теоретических вопросов, которые де- 18
19 лают ее интересной как для психолингвистов широкого профиля и логопедов, так и для 19
20 типологов и специалистов по теории грамматики. В монографии представлены данные 11
21 разноструктурных языков: греческого, датского, иврита, немецкого, литовского, русского, 21
22 саами, турецкого, финского, французского и эстонского, относящихся к разным языко- 22
23 вым семьям и ветвям. Нетрудно заметить, что среди избранных языков есть те, в которых 23
24 техника словосложения развита исключительно (такие как германские и финно-угорские 24
25 языки или иврит), а есть и такие, для которых более характерны другие способы словоо- 25
26 бразования (например, славянские и балтийские языки). Это не помешало выделить общие 26
27 черты в рассматриваемом процессе и обозначить как универсальные, так и идиоэтниче- 27
28 ские предпочтения в употреблении композитов в речи детей и взрослых. Представленные 28
29 данные позволяют оценить, какие сложные наименования усваиваются детьми раньше 29
30 и употребляются продуктивно, до какой степени различаются языки по степени распро- 30
31 страненности в них сложных наименований и чем это можно объяснить. 31

32 Для сравнения распространенности техники словосложения в разных языках исполь- 32
33 зовались интересные методики подсчетов, например: процент сложных слов от общего 33
34 числа существительных в леммах и словоупотреблениях (tokens) в речи ребенка, в речи, 34
35 обращенной к ребенку, и в речи взрослых носителей языка (обычно по корпусным дан- 35
36 ным), а также списки лексических соответствий, подобные списку Сводеша. Значитель- 36
37 ное внимание уделяется тому, как именно составить подобные списки: есть существен- 37
38 ное различие между простым переводом слов и перечнем композитов, которые на самом 38
39 деле отмечены в спонтанной речи детей и взрослых. Результаты анализируются в заклю- 39
40 чительной главе (В. У. Дресслер, Ф. Н. Кетрез и М. Килани-Шох)¹, что позволяет выстро- 40
41 ить континуум исследуемых языков от наиболее богатого композитами немецкого к на- 41
42 менее богатому литовскому. Русский, французский и литовский оказываются замыкаю- 42
43 щими в обоих перечнях, процент композитов в греческом ставит его в середину списка. 43
44

45 * Работа поддержана Российским научным фондом, грант № 14-18-03668 «Механизмы усвоения 45
46 русского языка и становление коммуникативной компетенции на ранних этапах развития ре- 46
47 бенка».

48 ¹ В скобках даны фамилии авторов соответствующего раздела книги. 48

1 Для современного разговорного греческого (У. Штефани) оказывается характерной замена 1
 2 композитов на простые наименования, ср. «*skúpa* ‘метла, швабра’ вместо *ilektriki skúpa* 2
 3 ‘пылесос’, букв. ‘электрическая метла’» (с. 282). Аналогичная тенденция (замена слож- 3
 4 ных наименований простыми в разговорной речи) отмечена в диалогах израильских под- 4
 5 ростков (Д. Равид, Р. А. Тцабар) (с. 252–253). Эта особенность разговорной речи приво- 5
 6 дит к тому, что список лексических соответствий, составленный на основе речи взрослых, 6
 7 содержит больше композитов, чем списки, основанные на анализе бытовой разговорной 7
 8 речи взрослых, обращенной к детям, и речи самих детей. У. Штефани, автор раздела, по- 8
 9 священного сравнению греческого и немецкого языков, отмечает, что «формальная речь, 9
 10 так же как большинство жанров письменной речи, кроме волшебных сказок, оказываются 10
 11 недоступны детскому восприятию» (с. 276) и, следовательно, нерелевантны для исследо- 11
 12 вания детской речи. Иными словами, исследователи предлагают задуматься над вопросом 12
 13 о том, от чего зависит и как исчисляется лексический доступ к сложным словам. 13

14 Подробное сравнение 130 наименований предпринято только для списка греческих 14
 15 и немецких композитов У. Штефани. Для этого взяты исходные композиты немецкого 15
 16 языка и сопоставлены с соответствующими греческими номинациями, среди которых мо- 16
 17 гут оказаться как композиты, так и их конкуренты (*rivals*) — свободные словосочетания, 17
 18 описательные толкования и однословные лексемы. Для остальных языков использовался 18
 19 исходный сокращенный лист из 52 сложных слов, отмеченных в данных австрийских де- 19
 20 тей, которые снабжались переводными эквивалентами из речи детей и их родителей в дру- 20
 21 гих языках. К сожалению, исходный лист не приводится в книге, так что о его составе 21
 22 можно судить только по описанию соответствий. Например, в русском языке, по данным 22
 23 В. В. Казаковской, среди переводных эквивалентов оказалось семь композитов (с. 86), при- 23
 24 чем только три из них являются исконно русскими — *пылесос, самосвал, пароход*. Четыре 24
 25 эквивалента представляют собой так называемые «неоклассические композиты» — *мо-* 25
 26 *тороллер, магнитофон, диктофон, микрофон*. На мой взгляд, их нельзя безоговорочно 26
 27 причислить к сложным основам в русском языке, так как неизвестны специальные иссле- 27
 28 дования, которые бы прояснили степень осознания заимствованных корней носителями 28
 29 русского языка. Думаю, простой констатации того, что части таких слов встречаются в раз- 29
 30 ных композитах (ср. корень *-фон* в перечисленных заимствованиях), недостаточно для того, 30
 31 чтобы считать эти части корневыми элементами: они могут восприниматься как суффиксы 31
 32 или простые созвучия финалей. Не случайно в главе о турецком языке (Ф. Н. Кетрез) не- 32
 33 оклассические композиты выводятся за пределы анализа как неразложимые для сознания 33
 34 носителей (с. 236). Даже в греческом языке, по свидетельству У. Штефани и Э. Томадаки, 34
 35 неоклассические композиты остаются частично немотивированными для детей, поскольку 35
 36 восходят к «конституентам высокого стиля, недоступным для маленького ребенка» (с. 135). 36
 37 Поэтому в главе о новогреческом языке авторы предполагают, что для этих композитов 37
 38 характерен особый способ усвоения — они не складываются из готовых значимых эле- 38
 39 ментов, а «укореняются» (от *entrenchment* ‘закрепление, вкапывание’ — термин, применя- 39
 40 емый М. Томаселло в теории усвоения языка, основанной на употреблении), образуются 40
 41 по аналогии с другими, не до конца прозрачными наименованиями. 41

42 В целом, речь взрослых участников коммуникации содержала от 17% (в немецком) 42
 43 до 0,6% (в литовском) словоупотреблений композитов (с. 291); в леммах соответствующие 43
 44 проценты были еще выше — от 38 до 1,5. Сравнение эквивалентов по спискам ком- 44
 45 позитов показало, что среди наиболее склонных к основосложению языков процент соот- 45
 46 ветствий превышает 10, в то время как в языках-аутсайдерах преобладают конкурентные 46
 47 наименования. Впрочем, как уже не раз случалось при анализе данных спонтанной речи, 47
 48 различия между языками оказываются не такими разительными, как можно было пред- 48
 49 положить на основе описания письменного литературного регистра. 49

50 К объяснению наблюдаемых явлений в этой книге, как и в других работах данного на- 50
 51 правления, привлекается аппарат «естественной морфологии» (далее ЕМ) — теории, раз- 51
 52 виваемой В. У. Дресслером и его соавторами и последователями с 80-х годов прошлого 52

1 века [Dressler et al. 1988]. Для ЕМ характерно рассмотрение сложных языковых знаков, 1
2 и в особенности морфологических показателей, с точки зрения «шкалы морфотактической 2
3 прозрачности», предполагающей изоморфизм формы и содержания языкового выражения. 3
4 Более естественными считаются те морфологические механизмы, которые отличаются 4
5 иконичностью либо диаграмматичностью: сложное содержание должно передаваться ком- 5
6 бинированным знаком. Любые отступления от семантической и морфотактической про- 6
7 зрачности (затемнение основы, чередования, слабый и сильный супплетивизм) считаются 7
8 менее естественными по сравнению с полностью прозрачными, мотивированными, легко 8
9 восстанавливаемыми связями. Обычно теория ЕМ привлекалась для объяснения языковых 9
10 предпочтений в области флективного маркирования и аффиксального словообразования. 10
11 ЕМ предполагает, что более естественные морфологические механизмы и образования 11
12 чаще представлены в языках мира и в каждом конкретном языке, раньше усваиваются 12
13 детьми и имеют тенденцию замещать менее естественные морфологические механизмы 13
14 в ходе исторического развития. Например, таким образом можно объяснить появление 14
15 дублетных форм типа *машу* — *махаю* в русском языке и вытеснение менее продуктивной 15
16 модели более продуктивной: отсутствие чередования в форме *махаю* повышает ее семанти- 16
17 ческую и морфотактическую прозрачность. С кратким обзором основных постулатов ЕМ 17
18 на русском языке можно ознакомиться в статье В. У. Дресслера в «Вопросах языкознания», 18
19 написанной в самом начале разработки данной теории [Дресслер 1986]. Более подробное 19
20 описание современного состояния теории ЕМ дано в книге М. Килани-Шох и В. У. Дрес- 20
21 слера [Kilani-Schoch, Dressler 2005], короткая справка — в статье [Dressler 1999]. 21
22

23 В 1993 г. под руководством В. У. Дресслера начался специальный сравнительно-лингви- 22
24 стический проект «Ранние стадии усвоения морфологии детьми»², исходной целью кото- 23
25 рого была проверка первоначальной гипотезы ЕМ о предпочтительном усвоении детьми 24
26 более естественных форм морфологического маркирования. В этом международном про- 25
27 екте, успешно продолжающемся уже более 25 лет, рассматриваются данные морфологиче- 26
28 ски богатых языков — германских, греческого, романских, славянских, финно-угорских, 27
28 есть также данные по ивриту и юкатеко майя. В основе собранного материала лежат эко- 28
29 логические лонгитюдные наблюдения, сделанные с помощью аудио- и видеофиксации 29
30 языкового общения взрослых с детьми. За прошедшие 25 лет общая концепция услож- 30
31 нилась и получила значительные уточнения. В рамках проекта опубликованы несколько 31
32 монографий и ряд важных статей. К предварительным публикациям можно отнести ста- 32
33 ты и книги [Dressler, Karpf 1995; Dressler 1997]. Исходным положением проекта (кото- 33
34 рое подтверждено многочисленными наблюдениями) является выделение трех основных 34
35 стадий раннего усвоения детьми морфологических различий — преморфологии, прото- 35
36 морфологии и «ядерной морфологии» (термин Д. Равид, впервые широко применяемый 36
37 в рецензируемой книге). На этапе преморфологии большинство детей, независимо от их 37
38 родного языка, применяют универсальные «экстраграмматические операции», а подлин- 38
39 ные морфологические противопоставления в их речи отсутствуют. На стадии протомор- 39
40 фологии в их речи появляются первые морфологические оппозиции (противопоставлен- 40
41 ные друг другу пары форм) и минипарадигмы (как минимум три противопоставленные 41
42 друг другу формы, прообраз будущих парадигм). Процесс развития морфологических 42
43 противопоставлений завершается формированием ядерной морфологической системы, 43
44 близкой к языку взрослых, причем это происходит еще в дошкольном возрасте. 44

45 Одним из важнейших достижений проекта «Пре- и протоморфология» можно считать 45
46 наблюдения за скоростью усвоения морфологических противопоставлений в разнострук- 46
47 турных языках. Впервые идеи о различной скорости появления оппозиций в речи детей 47
48 в зависимости от морфологического богатства языка были сформулированы уже в [Voe- 48
49 ikova, Dressler 2002]. В последующих публикациях на эту тему [Laaha, Gillis 2007; Xantos 49
50

51 ² В научном обиходе этот проект и связанную с ним концепцию сокращенно называют «Пре- и прото- 51
52 морфология». 52

et al. 2011] удалось доказать, что противопоставления форм в богатых морфологических системах усваиваются детьми раньше и быстрее по сравнению с морфологически бедными языками. До сих пор внимание участников проекта было сосредоточено на описании особенностей усвоения глагольной морфологии [Bittner et al. 2003], диминутивов [Savickienė, Dressler 2007], морфологии имен существительных [Stephany, Voeikova 2009] и прилагательных [Tribushinina et al. 2015], см. рецензию в «Вопросах языкознания» [Доброва 2017]. Особенность рецензируемой книги состоит в том, что ее авторский коллектив, давно и плодотворно работавший в области усвоения аффиксальной и флективной формообразовательной морфологии, здесь обратился к описанию словообразования.

Во введении излагается ряд гипотез, рассмотрению которых в той или иной степени посвящены отдельные разделы и заключительная, обобщающая глава книги. В русле теории ЕМ эти гипотезы сформулированы как «предпочтения в области композитов» (с. 2). По предположению авторов предисловия (В. У. Дресслер, Н. Ф. Кетрез, М. Килани-Шох и У. Штефани), композиты универсально стремятся к морфотактической и семантической прозрачности. Иными словами, предпочтительно, чтобы части сложного слова были легко вычленимы и семантические связи между ними были ясны. Вершина формирующего композит словосочетания и семантическая вершина сложного слова должны совпадать: это проявляется, в частности, в том, что формоизменение затрагивает вершину композита (так, в композитном сочетании *corner stone* семантическая вершина совпадает с синтаксической (речь идет о камне), причем именно вершина *stone* изменяется по числам). Предполагается, что одновершинные композиты с подчинительной связью между частями должны встречаться чаще по сравнению с «координативными» образованиями (приложениями в русской терминологии) типа *принц-консорт* или *Ванька-ключник*.

Предпочтительный материал для сложения — целые слова или основы; сложение корней или словоформ встречается в языках мира и в конкретных языках реже. Любопытным универсальным свойством сложных слов является их стремление к бинарной структуре; хотя трехчастные и даже четырехчастные композиты встречаются в германских языках, их количество все-таки значительно уступает бинарным композитам. Иными словами, сложные слова не обладают в полной мере свойством рекурсивности, как свободные словосочетания и предложения. В русле общих представлений теории ЕМ можно предположить, что композиты, обладающие предпочтительными свойствами, будут усваиваться детьми и употребляться в речи родителей раньше и чаще, чем другие типы.

Попутно заметим, что универсальные предпочтения в области словосложения, по-видимому, наиболее ярко выступают в тех языках, которые богаты такими производными словами. Чем менее этот способ словообразования характерен для данного языка, тем более причудливые формы композитов в нем встречаются. Достаточно вспомнить, например, что в русском языке сложение корней с суффиксацией (включая нулевую) встречается чаще, чем сложение чистых основ, ср. распространенный в русском языке тип: *ле-докол* от *лед* + интерфикс + *кол(оть)* + Ø суффикс — и универсально предпочтительный, но реже встречающийся в русском тип: *головокружение* от *голов(а)* + интерфикс + *кру-жение*. Очевидно, что для русского языка, в котором композиты не очень распространены (по сравнению с германскими и финно-угорскими языками или ивритом из выборки, представленной в книге), естественным предпочтением является использование аффикса дополнительно к сложению основ. Суффикс как бы «венчает дело», санкционируя несвойственное русскому языку основосложение. Возможно, существенным оказывается и то обстоятельство, что наличие материально выраженного суффикса делает композиты эндоцентрическими, ср. *пароход* и *бетономешалка*. Если слово *пароход* называет основные признаки данного механизма, но не указывает на сам механизм, то *бетономешалка* содержит специально выраженный компонент *-мешалка*, выполняющий роль грамматической и семантической вершины. В целом в русском языке количество композитов как в лексической системе, так и в потоке речи значительно ниже, чем в языках с богатым основосложением. Из материалов книги очевидно, что аналогичная ситуация (если не более

яркая) наблюдается и в литовском языке. Тем не менее в книге есть богатые по содержанию разделы, посвященные русскому (В. В. Казаковская) и литовскому (И. Дабашинскене, Л. Камандулите-Мерфельдиене) языкам. Оказывается, что, несмотря на сравнительно небольшой процент композитов в речи, обращенной к ребенку, они все же появляются в речи самих детей довольно рано (для русского языка приводятся возрастные рамки 2;2–2;4³, для литовского — от 1;8 до 2;7), хотя и позже, чем в германских и финно-угорских языках⁴. Необычной чертой русских ранних композитов оказывается то, что все они образованы от существительного и глагола N+V (типа *самосвал*), в то время как универсально предпочтительной считается техника N+N. К сожалению, не обсуждается подробно и остается завуалированным экзоцентрический характер подобных композитов: традиционно они анализируются в русской грамматике как содержащие нулевой суффикс и «характеризующиеся действием, названным опорной основой и конкретизированным в первой основе сложения» [РГ 1980: 250–251]. Иными словами, нулевому суффиксу не приписывается семантика деятеля, следовательно, они должны анализироваться как экзоцентрические. Иными словами, русский язык тяготеет к необычным разновидностям основосложения. Помимо перечисленных отглагольных образований, в русской детской речи распространены сложные координативные номинации типа *зайчик-побегайчик* или *лягушка-квакушка*. Судя по данным, эти особенности в словосложении не характерны для литовского языка, в котором продуктивные субординативные N+N композиты преобладают.

Данные швейцарского французского языка (М. Килани-Шох) показывают, что в целом процент композитов в нем настолько невелик, что заметного развития этой техники у детей на протяжении наблюдений не происходит, за исключением особого типа композитов «*maman-bébé*», соответствующих русским координативным *мама-кошка* или *мышка-мать*. Только у этого типа была заметна продуктивность, несмотря на то, что за пределами детоцентрических ситуаций такие образования не встречаются. Интересно, что во всех языках-аутсайдерах словосложение набирает обороты в последние годы благодаря заимствованиям отдельных номинаций и техник номинации.

Литовский, русский и французский языки оказываются замыкающими по всем количественным показателям распространения композитов в речи. Существенно, что в книге применяются разные способы количественного измерения этих величин: принимается во внимание не только соотношение лемм существительных, но и проценты словоупотреблений (tokens). Как известно, на речь детей могут избирательно влиять разные факторы, причем в рецензируемой книге предлагается различать так называемый инпут и интэйк — то, что дети могут услышать, и то, что они могут воспринять. Существенно, что авторы не абсолютизируют значение своих подсчетов. Более того, они приводят важные соображения в пользу того, что частотность явления в письменных текстах еще не служит абсолютным показателем его распространенности в языке: по остроумному замечанию авторов предисловия, мы редко говорим и еще реже пишем о зубных щетках (композит *Zahnbürste* в немецком языке), однако мы «вербально думаем о них как минимум дважды в день» [Dressler et al. 2014: 187–188] (с. 9). Это замечание о «вербальных мыслях» крайне важно для умозаключений о структуре и организации ментального лексикона.

Содержание отдельных глав книги заслуживает специального упоминания. Хотя вся монография представляет собой результат тщательно продуманного и проведенного по единому плану исследования, материал конкретных языков вносит новые оттенки в общий сценарий. Наиболее существенные моменты исследования отражены в главе, посвященной усвоению австрийского варианта немецкого языка (К. Корецки-Крёлль, С. Зоммер-Лолей

³ Возраст детей указан в форме год;месяц.день в соответствии с традицией, принятой в системе CHILDES; 2;2 означает 2 года и 2 месяца.

⁴ Данные по ивриту основаны на срезовых записях, поэтому они несопоставимы с лонгитюдными записями отдельных детей. Можно предположить, что в иврите первое появление и осознание композитов также является ранним процессом.

и В. У. Дресслер). Немецкий язык оказывается наиболее богатым по словосложению в речи взрослых, что существенно влияет на раннее появление композитов в речи детей и на их декомпозицию. Дело в том, что при первом появлении сложных слов они часто бывают неразложимы в сознании ребенка. Об этом могут свидетельствовать «амальгамы» — композиты с нарушенным морфонологическим строением типа *Medwa* ‘Mineralwasser’ или *Miketad* ‘Musikwerkstatt’ (с. 26). Их возникновение говорит о том, что ребенок не осознает строения сложного слова и старается повторить его так, как слышит. Появление амальгам является первой ступенью освоения композитов и совпадает со стадией преморфологии. Второй этап связан с разложением сложных слов на составные части. Сигналом этого становится появление неологизмов, которое в австрийском варианте немецкого было зафиксировано от 1;8 до 2;3 (типа *Kopfaua* ‘головная боль’). Второй этап совпадает с этапом протоморфологии — появлением первых морфологических оппозиций в области числа и падежа существительных и образованием диминутивов.

В немецком самым элементарным способом образования композита оказывается простое сложение без всяких соединительных элементов. Выбор соединительного элемента — это непростое задание, которое требует овладения некоторыми процедурными правилами. На этом пути дети иногда допускают «тупиковые ходы» (*blind alleys*), образуя не существующие в языке композиты по неверным правилам (с. 27). Наличие тупиковых ходов обычно является индивидуальной или групповой особенностью и не характерно для всех детей. Глава об австрийском немецком основана на лонгитюдных данных трех детей среднего социального класса, но для сравнения приводятся также срезовые данные детей из более бедных семей. В употреблении композитов, как и в других областях, дети из семей с более низким социальным статусом демонстрируют отставание. Эта тема, затронутая только вскользь в данной публикации, может быть развернута в отдельное исследование, тем более интересное, что на материале русского языка оно должно дать нетривиальные результаты.

Ситуация в речи датских детей (Л. Кьербек, Х. Басбёль) напоминает ту, которая наблюдается в австрийском немецком. Наиболее распространены в языке сочетания двух существительных или прилагательного и существительного, семантически и формально прозрачные композиты преобладают в речи и рано встречаются у детей. Самыми распространенными типами в детской речи были $N+N$, $V+N$ $A+N$, однако были и более редкие типы, например, образованные от ониматопей. Между детьми наблюдались значительные различия по типу и возрасту появления первых композитов. Это вполне объяснимо с точки зрения концепции пре- и протоморфологии: на первом этапе ребенок повторяет «замороженные формы», декомпозиции не происходит, поэтому в детской речи и не проявляется особой избирательности. Предпочтения, скорее, характерны для этапа протоморфологии. В разделе, посвященном датскому языку, снова ставится вопрос о декомпозиции сложных слов. В книге приняты обычные для данного подхода критерии продуктивного употребления форм: если некая морфема встречается в сочетании с тремя другими морфемами, а также используется неоднократно, обычно принимается за данное, что она является результатом декомпозиции. Так, падежное окончание считается продуктивно употребляемым, если встречается в комбинации с тремя основами и противопоставлено двум другим окончаниям. Аналогично, если части композита встречаются в других сложных словах в комбинации с другими корнями, их предположено считать разложимыми. Однако это не более чем допущение, которое может не соответствовать языковой действительности. Так, в датском есть вполне разложимые сочетания корней, которые тем не менее воспринимаются носителями языка как единое слово, например, *kakkelovn* ‘кафельная печь’ произносится как единое слово без ожидаемой в композите границы (с. 60). Эти соображения показывают, что вопросы осознания и разложения сложных основ носителями языка, скорее всего, не могут быть разрешены без специального исследования в каждом конкретном языке.

Финно-угорские языки представлены в книге финским (К. Лаало) и эстонским (Р. Аргус), к ним примыкает и северносаамский язык (Й. Й. Ийас), морфология которого, однако,

определяется автором главы как фузионная. Саамские композиты имеют яркие морфологические особенности: все они четырехсложные (или более длинные, рекурсивные, объединяющие несколько четырехсложных), имеют основное ударение на первом слоге и добавочное на третьем и претерпевают фонетическую редукцию безударного гласного во втором слоге по определенным законам (см. подробнее на с. 210). По распространенности композитов в речи финно-угорские языки успешно соперничают с немецким, по некоторым параметрам превосходя датский. Финские и эстонские дети обычно очень рано начинают употреблять в речи любые морфологические показатели; точно так же и словосложение оказывается в числе ранних операций: первые замороженные формы могут появиться в речи детей уже в 1;5 во время так называемой «хореической стадии», когда длинные слова сокращаются до двух слогов. Это неминуемо приводит к возникновению амальгам. Такое же раннее появление композитов отличает речь турецких детей (Ф. Н. Кетрез). Первые замороженные употребления в речи турецкой девочки относятся к возрасту 1;3. Саамская девочка начала употреблять композиты в 1;9, причем сразу же были отмечены свидетельства того, что она выделяет отдельные части, но еще не применяет морфологические правила образования аллегрных форм (записи начались с возраста 1;8, поэтому не исключено, что распространенные композиты могли появиться в ее речи и до 1;9).

Совпадение данных финно-угорских и турецкого языков, с одной стороны, и различия между финно-угорскими и саами, с другой, указывают на то, что на овладение техникой словосложения влияет не столько генетическое сходство или общие особенности, приобретенные в процессе межъязыковых контактов, сколько принадлежность языка к определенному морфологическому строю (в данном случае — агглюнативная или фузионная техника морфологического маркирования). Несмотря на то, что морфологическая классификация в последние десятилетия часто подвергалась критике и разнообразным уточнениям в типологической литературе (например, [Haspelmath 2009]), ее релевантность для анализа процесса усвоения языка ребенком подтверждена во всех публикациях проекта «Пре- и протоморфология». Разумеется, такие умозаключения можно делать только предположительно и с большой осторожностью, так как финские и эстонские данные основаны на детальном анализе речи всего лишь двух-четырех детей, а редчайшие данные саамской детской речи записаны от единственной девочки.

Интересные сведения представлены в главе о греческих композитах (У. Штефани, Е. Томадаки). В этом языке основосложение представляет собой продуктивный, распространенный и детально изученный процесс. Со ссылкой на предшествующие работы авторы отмечают, что в речи взрослых греков отмечена тенденция к сложению корней слов (а не целых слов) (с. 122). В этом отношении греческая система основосложения оказывается более близкой той, что наблюдается в русском языке, по тому, что 1) складываются не целые слова, а корни или основы, 2) часто используются соединительные гласные, не несущие смысловой нагрузки, 3) наряду с основосложением часто используется дополнительная суффиксация. Авторы различают процесс соединения значимых основ и процесс «укоренения» в памяти ребенка и частичного продуктивного образования затемненных по смыслу композитов на основе аналогии. Второй процесс характерен для частотных, но не до конца разложимых на части неоклассических композитов. Эндоцентрические композиты типа N+N преобладают, однако их количество остается неизменным, в то время как композиты A+N заметно возрастают в количестве употреблений, в основном за счет комбинаций с оценочными прилагательными типа *kaló-pedo* ‘хороший ребенок’. Греческая система оказывается переходной между преимущественно словосложением, характерным для германских языков, и преимущественно аффиксацией, характерной для языков славянских.

В книге принята развернутая классификация композитов, которые делятся на эндоцентрические и экзоцентрические (по тому, присутствует ли в составе композита вершина именной группы, указывающая на обозначаемый объект), координативные (в которых части равноправны) и субординативные (содержащие подчинительную связь); их

1 подразделяют также по производящим частям речи (типа N+N, V+N, ADJ + N и т. д.), су- 1
2 бординативные делятся дополнительно на правовершинные и левовершинные (с. 4). По- 2
3 давляющее большинство композитов, которые встречаются на ранних этапах в германских 3
4 языках (немецком и датском), — эндоцентрические правовершинные с субординативной 4
5 связью без соединительных элементов. 5

6 В некоторых языках выделяются разные типы композитов по сложности отношений 6
7 между частями образования: так, в турецком выделяются простые и посессивные ком- 7
8 позиты (*bare compounds* vs. *possessive compounds*); первый тип представляет собой про- 8
9 стое соположение основ или слов, второй тип имеет специфические посессивные мар- 9
10 кереры на конце второго слова. Ф. Н. Кетрез отмечает, что турецкие дети начинают очень 10
11 рано употреблять простые по структуре композиты (уже с возраста 1;3–1;4), частотные 11
12 посессивные композиты также встречаются до двух лет, причем есть свидетельства того, 12
13 что они раньше осознаются детьми как составные наименования и раньше употребляют- 13
14 ся продуктивно. Это можно объяснить их частотностью и перцептивной выпуклостью 14
15 конечного суффикса. Аналогично, в иврите (Д. Равид и Н. А. Тцабар) выделяются клас- 15
16 сические соположенные композиты типа *smixut*, а также свободные и двойные компо- 16
17 зиты, построенные с участием компонента *shel*, эквивалентного предлогу ‘of’ (с. 256–257). 17
18 Первые композиты трактуются как передающие гипонимические отношения, второй тип 18
19 в большей степени соответствует посессивным конструкциям в широком смысле. Дети 19
20 рано начинают употреблять частотные *smixut*-композиции, но только после четырех лет они 20
21 способны образовать неологизмы этого типа, а полное усвоение всей системы формаль- 21
22 ных чередований происходит ближе к семи годам. Посессивные композиты появляются 22
23 в речи детей позже (в возрасте 3–5), к пяти годам происходит функциональная специали- 23
24 зация, причем авторы указывают на то, что в поздние школьные годы два типа компо- 24
25 зитов могут конкурировать между собой (с. 270–271). Во всех случаях, когда в языке есть 25
26 примеры элементарного словосложения и более структурно изысканной комбинации не- 26
27 которых форм и основ, элементарные композиты, в соответствии с гипотезой проекта, по- 27
28 являются в речи детей раньше, а структурно осложненные варианты позже. При этом нет 28
29 никаких доказательств того, что дети способны осознать ранние композиты как слож- 29
30 ные основ — весьма возможно, что они пытаются повторять эти слова наряду с другими 30
31 длинными словами, не замечая их особой природы. 31

32 Можно поздравить авторов с тем, что им удалось написать книгу, которая будет вос- 32
33 требована как общими языковедами и типологами, так и психолингвистами. Лексическим 33
34 типологам будут интересны особенности номинации явлений в разноструктурных языках: 34
35 германские и финно-угорские языки явно тяготеют к сложению, в то время как греческий, 35
36 литовский и русский предпочитают аффиксацию. При этом существенно, что во многих 36
37 языках употребление композитов оказалось привязано к регистру — в разговорной речи 37
38 и в речи, обращенной к ребенку, композиты могут замещаться простыми наименованиями. 38
39 Французский язык стоит несколько особняком, используя продуктивно только некоторые 39
40 типы композитов; иврит, несомненно, обладает развитой системой словосложения. Для 40
41 типологических исследований важно также, что морфологическая классификация языков 41
42 имеет онтологические основания в усвоении языка ребенком — агглютинативные и флек- 42
43 тивные языки обычно различаются по возрасту усвоения отдельных морфологических 43
44 явлений. В целом, предпочтения, заявленные во вступительной главе книги, оказались 44
45 релевантны для детской речи: дети в целом раньше начинают употреблять и осознавать 45
46 простые композиты с прозрачным составом компонентов, и лишь впоследствии, на стадии 46
47 протоморфологии, присоединяют к ним более сложные (генитивные или посессивные) 47
48 композиты, включающие дополнительные морфемы, интерфиксы и т. д. Эндоцентрические 48
49 правовершинные композиты N+N оказались предпочтительными в большинстве данных. 49
50 Вместе с тем, как нам показалось, универсальные предпочтения ярче всего проявились 50
51 в тех языках, где техника словосложения является ведущей; в языках-аутсайдерах могут 51
52 отмечаться особенные предпочтения. 52

1 Для онтолингвистики рассмотрение этого материала оказалось полезным в том отно- 1
 2 шении, что лишний раз была продемонстрирована избирательность детской речи по от- 2
 3 ношению к инпуту: процент композитов в речи, обращенной к ребенку, во всех случаях 3
 4 был выше, чем в речи самого ребенка. При этом наиболее частотные типы композитов 4
 5 не обязательно будут усвоены раньше: так, в речи турецких детей сложные посессивные 5
 6 композиты появляются позже, чем элементарные, несмотря на большую частотность по- 6
 7 сессивных композитов в инпуте. В книге зафиксирован богатый материал для анализа при- 7
 8 способности (*fine-tuning*) речи родителей к языковой системе детей, впрочем, такие случаи 8
 9 обычно характеризуют отдельные диады и не могут быть связаны с языком-источником. 9
 10 Изучение техники основосложения в детской речи оказывается важным для конструкти- 10
 11 вистских моделей и теории языка, основанной на употреблении: обнаруживая предпоче- 11
 12 тения ребенка и разнообразные связи его речи с инпутом, авторы книги показали, что в об- 12
 13 ласти словообразования дети опираются на тот языковой материал, который доступен им 13
 14 в речевом взаимодействии, и что этого материала достаточно для построения полноцен- 14
 15 ной грамматической системы. Таким образом, книга о композитах в детской речи затро- 15
 16 нула важнейшие аспекты теории языка и его усвоения, разработанная в ней теория сло- 16
 17 восложения представляет интерес для морфологов, занимающихся описанием конкретных 17
 18 языков, и для общей типологии, а сформулированные гипотезы, которые в значительной 18
 19 мере подтвердились, позволят следить за повествованием с неослабевающим интересом, 19
 20 что не исключает и последующей полемики с отдельными положениями. 20
 21
 22

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- 23
 24 Добрава 2017 — Добрава Г. Р. [Рец. на:] Tribushinina E., Voeikova M. D., Noccetti S. (eds.). Semantics 24
 25 and morphology of early adjectives in first language acquisition. *Вопросы языкознания*, 2017, 3: 141– 25
 26 150. [Dobrova G. R. [Review of:] Tribushinina E., Voeikova M. D., Noccetti S. (eds.). Semantics and 26
 27 morphology of early adjectives in first language acquisition. *Voprosy Jazykoznanija*, 2017, 3: 141–150.] 27
 28 Дресслер 1986 — Дресслер В. У. Об объяснительной силе естественной морфологии. *Вопросы язы-* 28
 29 *кознания*, 1986, 5, 33–46. [Dressler W. U. Natural morphology. *Voprosy Jazykoznanija*, 1986, 5: 33–46.] 29
 30 РГ 1980 — Шведова Н. Ю. (отв. ред.). *Русская грамматика*. Т. 1. М.: Наука, 1980. [Shvedova N. Yu. 30
 31 (ed.). *Russkaya grammatika* [The Russian grammar]. Vol. 1. Moscow: Nauka, 1980.] 31
 32 Bittner et al. 2003 — Bittner D., Dressler W. U., Kilani-Schoch M. (eds.). *Development of verb inflection* 32
 33 *in first language acquisition: A cross-linguistic perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2003. 33
 34 Dressler 1997 — Dressler W. U. (ed.). *Studies in pre- and protomorphology*. (Veröffentlichungen der Kom- 34
 35 mission für Linguistik und Kommunikationsforschung 26.) Wien: Verlag der Österreichische Akade- 35
 36 mie der Wissenschaften, 1997. 36
 37 Dressler 1999 — Dressler W. U. What is natural in natural morphology (NM)? *Travaux du Cercle Linguis-* 37
 38 *tique de Prague* NS, 1997, 3: 135–144. 38
 39 Dressler et al. 1988 — Dressler W. U., Mayerthaler W., Panagl O, Wurzel W. U. *Leitmotifs in natural mor-* 39
 40 *phology*. Amsterdam: John Benjamins, 1988. 40
 41 Dressler et al. 2014 — Dressler W. U., Libben G., Korecky-Kröll K. 2014. Conflicting vs. convergent vs. 41
 42 interdependent motivations in morphology *Competing motivations in grammar and usage*. MacWhin- 42
 43 ney B., Malchukov A., Moravcsik E. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2014, 181–196. 43
 44 Dressler, Karpf 1995 — Dressler W., Karpf A. The theoretical relevance of pre- and protomorphology 44
 45 in language acquisition. *Yearbook of Morphology*, 1994: 99–122. 45
 46 Haspelmath 2009 — Haspelmath M. An empirical test of the agglutination hypothesis. *Universals of lan-* 46
 47 *guage today*. Scalise S., Magni E., Biscetti A. (eds.). (Studies in natural language and linguistic theory, 47
 48 76.) Dordrecht: Springer, 2009, 13–29. 48
 49 Kilani-Schoch, Dressler 2005 — Kilani-Schoch M., Dressler W. U.. *Morphologie naturelle et flexion du* 49
 50 *verbe français*. Tübingen: Narr, 2005. 50
 51 Laaha, Gillis 2007 — Laaha S., Gillis S. (eds.). *Typological perspectives on the acquisition of noun and* 51
 52 *verb morphology*. (Antwerp Papers in Linguistics 112.) Antwerp: Univ. of Antwerp, 2007. 52
 53 Savickienė, Dressler 2007 — Savickienė I., Dressler W. U. (eds.). *The acquisition of diminutives:* 53
 54 *A cross-linguistic perspective*. Amsterdam: John Benjamins, 2007. 54

- 1 Stephany, Voeikova 2009 — Stephany U., Voeikova M. D. (eds.). *Development of nominal inflection in first* 1
2 *language acquisition: A cross-linguistic perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. 2
- 3 Voeikova, Dressler 2002 — Voeikova M. D., Dressler W. U. (eds.). *Pre- and protomorphology: early phases* 3
4 *of morphological development in nouns and verbs*. München: Lincom, 2002. 4
- 5 Tribushinina et al. 2015 — Tribushinina E., Voeikova M. D., Noccetti S. (eds.). *Semantics and morphology* 5
6 *of early adjectives in first language acquisition*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publ., 2015. 6
- 7 Xantos et al. 2011 — Xanthos A., Laaha S., Gillis S., Stephany U., Aksu-Koç A., Christofidou A., Gaga- 7
8 rina N., Hrzica G., Ketrez N. F., Kilani-Schoch M., Korecky-Kröll K., Kovačević M., Laalo K., Pal- 8
9 mović M., Pfeiler B., Voeikova M. D., Dressler W. U. On the role of morphological richness in the early 9
10 development of noun and verb inflection. *First Language*, 2011, 31 (4): 461–479. 10

11 *Получено / received 16.06.2018*

11 *Принято / accepted 18.09.2018*

12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52